

История заставы Саньгуань

Во время долгой службы генерала Дин Хуна, возглавлявшего Северо-Западный пограничный округ, всю контрабанду этих мест держал знаменитый контрабандист Чжан Чень.

Так случилось, что они были знакомы ещё с юных лет. И с тех давних пор много раз сталкивались друг с другом на границе.

Дин Хун раз десять, не меньше, ловил его с поличным и передавал в руки правосудия. Как там вершились суды, никто толком не знал. Судить его судили, но через четыре-пять лет, а то и раньше, он снова оказывался здесь. И всё повторялось снова.

Так «два неразлучных дружка», как за глаза с издёвкой называли их, дожили до старости.

Дин Хун от рядового дозорного дослужился до генерала, стал командующим округом, прославившись своим усердным служением. А тем временем и Чжан Чень тоже усердно делал свою «карьеру», только в совсем другом, противоположном деле. От рядового мальчика на подхвате, подносчика, подручного дорос до главного организатора, стал вожаком тайного и весьма разветвленного контрабандного промысла. И, в отличие от своего извечного врага, обрёл большое богатство по обе стороны границы, занимал большие связи.

Прошли полные тревог и трудов десятилетия. Оба, каждый в своём деле, приобрели непререкаемый авторитет, стали — каждый по своему, опять же — почтенными лицами, но пришло время отойти от дел и тому, и другому.

Незадолго до этого внизу у реки построили новую заставу, а старая, находившаяся на сторожевой горе, стояла за ненадобностью пустой и за каких-то несколько лет пришла в запустение.

Когда Дин Хун вышел в отставку, в его родной деревне за долгие годы службы никого из родных уже не осталось: умерли, поразъезжались... Поэтому решил он на постоянное жительство остаться при старой своей заставе, которая оказалась теперь единственным родным местом на земле. Высшее командование выделило ему часть ещё крепких строений старой заставы, денщика, караульного, одного коня и двух ослов в придачу. Свою бывшую контору он перестроил под жильё, нанял прислугу и стал, не торопясь уже никуда, дожидаться отпущенное ему небесами. Но недолго продолжалась его спокойная, наконец-то, жизнь.

Случилось так, что в это время отосадились от дел Чжан Чень тоже стал искать место, где бы отдохнуть, наконец, от своей более чем бурной и переменивой жизни, провести остаток лет в полном удовольствии. Сначала попробовало было устроиться у тёплого моря, но не понравилось — сыро, да и непривычна была ему морская стихия, чужда. У реки на равнине, утопающей в садах, тоже не мог прижиться, уж слишком жарко, к тому же чужой здесь всем. Попытаться даже пожить по ту сторону границы, в Тибете, но там-то уж вовсе было холодно, ветрено, зима без перерыва.

И в конце концов он решил обосноваться здесь, в привычном месте, и выкупил у военного ведомства остаток пустующих строений Старой заставы. Ему нравилось здание бывшей временной тюрьмы — своей добротностью, прежде всего, надёжностью, своими толстыми стенами, сложеными из крупных каменных блоков. Здесь много раз поневоле приходилось ему коротать под стражей дни и ночи... Человек более чем состоятельный, теперь он всё заново отремонтировал, поставил новые окна и двери. Но решётки почему-то решил оставить и даже велел покрыть их позолотой — как бы спора с кем-то в гордыне, как бы назло кому-то или в насмешку...

Конечно, он мог бы себе позволить куда лучше жилище, заказать любой дворец, и ему бы построили. Но тёмным человеком в желаниях своих... К нему стали ездить именитые гости, даже некие вельможи, занимающие высокие должности в провинции. В их число входили, видимо, и его бывшие поделники, и покровители. А скорее всего — нынешние, поскольку бывших мо-

всё равно они всю последующую жизнь были как бы вместе. Мысленно обращались друг к другу, спорили, а то и сорились, и опять мирились — словно находились рядом.

И чем дальше, тем больше проникался каждый из них глубочайшим уважением к другому. Каждый в своём деле имел множество единомышленников, учеников и последователей, но ни тот, ни другой так и не обрёл себе иного друга, более близкого, кровного, кроме как из казарменных лет юности...

Жизнь иногда как будто и вправду насмеяется над человеком, даже над такими значительными личностями, какими стали Дин Хун и Ли Эр. За свою долгую жизнь Ли Эр выучил очень много, всё время надеясь найти среди них, выделить умнейшего, лучшего наследника учения своего, но так и не нашёл, не дождался его. А воспитал его главного последователя не кто-нибудь, а неотесанный в науках Вечный Стражник, Дин Хун...

С какой-то особой теплотой всю жизнь вспоминал Ли Эр о своей, вообще-то суровой и нелёгкой, службе на заставе Саньгуань. Именно там, во время долгих дозоров на посту, уставившись в пустынные, уходящие друг за друга горы, научился он сосредотачиваться, собирать и направлять свою мысль. С тех пор он так полюбил снежные отроги Куньлуна, что под старость вернулся к ним.

После службы на границе Ли Эр в течение семи лет раз за разом сумел сдать три экзамена и стал медленно, но верно продвигаться, подниматься по ступеням государственной службы. И дослужился до должности главного архивариуса Царства Чжоу и до отставки оставался при ней, дающей ему немалые возможности в разработке своего учения.

Старик устраивал пышные приёмы, а порой звал к себе и местных крестьян, и те охотно принимали почётное для них приглашение. Видимо, среди них были те, которые давно связаны с его старым делом, кто помогал подносить его товар, прятать, передавать по цепи дальше.

А Дин Хуна крестьяне побаивались. Для них он всегда был суровым, неприступным стражем государственных интересов, начальником, наказывавшим за многочисленные мелкие нарушения. А они всегда были. Часто возникала необходимость «сходить на ту сторону» то на охоту, то за грибами-ягодами, за редкими травами и снадобьями. Да мало ли за чем, в конце концов, ведь никакая граница не может точно очертить и ограничить, вместить в себя жизнь.

Так уж устроено бытие, что у человека всегда есть желание того, что находится за гранью дозволенного в обществе ли, в государстве. Большая часть этих нарушений сравнительно безобидна и нередко имеет своей причиной недостатки самого государственного устройства.

Дин Хун, понимая это, старался на многие такие мелочи закрывать глаза, однако и не мог не делать хотя бы внушения или предупреждения очередному нарушителю.

Крестьяне — народ хоть недалёкий по видимости, но тонкий, и всё это понимали. И потому они старшего генерала не то что не любили или ненавидели, а просто побаивались и уважали за особую беспристрастную честность и справедливость.

Но печальная истина состояла всё-таки в том, что контрабандист, подымающий экономическую основу государства (от коего никакой пользы народу, как казалось, не шло), был ему, народу, понятнее, родней и ближе, чем охраняющий государство и их личную безопасность пограничник.

Народу нет дела до того, почему казна пуста, почему государство не может в полной мере противостоять голоду, эпидемиям, нашествиям врага и прочим напастьям.

А если в окрестность ворвётся вражье войско, народ тут же бросится из деревень спасаться в крепость заставы. Воины отобьют врага, заставят уйти восвою, а народ вернётся к своим домам и делам и тут же забудет своих спасителей, без всякого подчас свода начнет хулить и ругать их.

Навстречу службе и служению

Дин Хун и Ли Эр прослужили вместе на заставе Саньгуань всего пять лет — но известно, сколько много значат в судьбе человека эти начальные годы юности, как глубоко западают они в память, в сердце, ведь именно в эти годы приобретаются, подчас на всю жизнь, лучшие и важнейшие друзья. И как долго длились они, и сколько было вместе пережито, переговорено обо всём, прочувствовано... Да, пути их затем разошлись, разведены были по служебным дорожкам, но

Николай ЛУГИНОВ

Застава Саньгуань

А семьей он так и не обзавёлся и большую часть жизни прожил в подаренной ему государем усадьбе на берегу маленькой горной речки, в окружении своих многочисленных учеников. Им он часто рассказывал о своём храбром и сильном друге Дин Хуне, о хитром и безумном противнике его, контрабандисте Чжан Чжене.

Но как ни учил, ни старался Ли Эр, достижения учеников на стезе философии, на взгляд учителя, были весьма скромными. Но, странное дело, при этом многие из его воспитанников стали начальниками различных пограничных застав, капитанами сторожевых кораблей или просто служивыми людьми, поставившими свою жизнь не добыванию отвлечённых философских истин, а таким вполне реальным вещам, как охрана закона, границ, обретение иных земных ценностей. Нет, ему не удалось жизнь над некоторыми нашими желаниями и стремлениями...

Как было издавна заведено по военному ведомству, было торжественное построение всего командного состава Северо-Западного пограничного округа, а затем по-военски суховатый стандартный приём, на который собрались сподвижники из соседних пограничных округов и застав, всякое гражданское начальство с окрестных городов и провинций.

В общем-то, сам Дин Хун остался доволен всем этим: не забыть, отмечен самим императором, почтён соратниками, что ещё надо? Не писатель, не учёный знаменитый, не каллиграф же он, а скромный служака, каких в государстве множество.

Настала осень. И тут случился другой юбилей, тоже семидесятилетний, на этот раз не пограничника, а «как раз наоборот», как шутили многие, добавляя: «главного контрабандиста Северо-Запада», а именно Чжан Чженя.

Этот странный юбилей поразил многих своим размахом. Было приглашено огромное количество самого разного мастиного народа. К изумлению многих, матёрого контрабандиста поздравили даже несколько вполне официальных лиц. Среди них замечены были представители министерства внешних связей, торговли и мануфактуры, даже от морского ведомства приехали.

А вообще, кто он такой, Чжан Чжень? Конечно, в поздравлениях никто не называл его крупнейшим контрабандистом всего Северо-Запада, а с жаром говорили о нём как о «хорошем человеке», «отзывчивом и уживчивом друге» и, наконец, договорились до того, что он якобы «человек, много сделавший для расширения и установления связей с дружественными соседними народами»... Ну, а восхваления вроде «бескорыстный, щедрый, мудрый» сыпались

принимал его образа мыслей. Многие весьма мудрёные изречения Ли Эра он вовсе отвергал, потому что они в корне разрушали его, пограничника, систему ценностей, которые должны всегда быть, по его разумению, предельно ясными и простыми.

Например, его постулаты о недеянии. Если буквально понимать его, то выходило, что незачем ту же границу охранять и ловить нарушителей. Всё равно-де вернётся всё на круги своя, всё само свершится так, как должно. И тебе, пограничнику, незачем вмешиваться в естественный круговорот событий...

В юности любой резок в суждениях, и Дин Хун тоже не отличался терпимостью. Ему казалось, что друг только тем и занимается, что всё доводит до абсурда, до сознательного запутывания смысла многих деяний человеческих, нарочито смешивает понятия добра и зла, истины и лжи, закона и преступления. И с пёной у рта защищал очевидные, казалось бы, вещи, возмущался их намеренно нечётким определением, зыбким толкованием. А друг таинственно улыбался, снисходительно слушая его горячие возражения, словно сам уже был глубоким стариком: «Что тебе сейчас доказывать и разъяснять; придёт время — сам всё поймёшь...»

Со многим почти так и получилось. Почти, но не со всем. Если долгая жизнь действительно подтвердила подлинную сложность многих явлений, то с другой частью его рассуждений Дин Хун ни при каких условиях не мог согласиться и сейчас. На это был наложен запрет в самом существе его, через который перешагнуть он не мог и не хотел, и всё тут.

На земле всё имеет свой предел, край, достаточно чёткие очертания границы, где кончается одно и начинается иное.

иного выбора для него не оказалось? Но для него как будто свет сошёлся клином на ней, одной-единственной. Или она, или никакая другая.

Теоретически он, вообще-то, мог бы на ней жениться, но тогда ему пришлось бы отказаться не только от службы, но

едва ли не от всех своих ценностей, всех своих убеждений, поменять местами сами понятия добра и зла, греха и добродетели... Ибо, судя по всему, связь между сестрой и братом была не только чисто родственной, но и, скажем так, деловой тоже, на которой стоял весь их род. И связи эти он вряд ли смог бы разорвать, в китайских семьях они очень крепки. Оставалось только «вписаться» в них.

А на это он пойти не мог. И он остался самим собой — да, наедине со всеми своими убеждениями, одиноком на всю жизнь, потеряв возможность иметь семью, оставив где-то не родившимися своих детей.

Впрочем, не он один выбрал одинокую жизнь бобыля. И Ли Эр, и даже Чжан Чжень тоже так никогда и не обзавелись семьями. Видимо, это выбор не самого челове-

Хуннские повести

Новеллы

Перевёл с якутского Пётр Краснов

Иначе и не может быть, потому что так устроен реальный мир. Даже звери метят пределы своих владений и следят, чтоб чужак не нарушал их. А людям тем более нельзя без границы. Нельзя нарушать или игнорировать существующие границы, тысячелетние установления, разумные законы. Иначе недалеко и до бед. Это на руку только тем, кто паразитирует на этом, ищет своей шкурной только, а не общей выгоды.

Нельзя смешивать основные понятия, на которых держится мир, а тем более подкапывать их. Иначе он станет зыбким, как болото, нарушится всякое равновесие — добра и зла, хорошего и плохого, суши и моря. Между подвигом и преступлением должна быть не только чёткая грань, но и широкое поле различения. В конце концов, нельзя, чтобы Пограничник нашёл общий язык с Контрабандистом. Пусть они останутся в вечном противостоянии. Никого образцом нельзя допустить, чтобы они вступили в родственную или иную связь, заимели общие интересы, а значит, и общую мораль. Ибо тогда морального, нравственного не будет вообще... А это начало конца!

Наверное, так было задумано Создателем неба и земли изначально, что всё в этом мире, в конце концов, оказывается взаимосвязанным — как бы ни было одно с другим противоположным, а то и взаимоисключающим.

И всё это верно подметил когда-то всезнающий, казалось иногда, Ли Эр.

Любовь пограничника

Ну кто мог предположить, что единственной настоящей любовью пограничника станет именно сестра контрабандиста Чжан Чженя? Или это Поднебесная до такой степени оскудела достойными любви женщинами, что

1 Год Зайца — 509 г. до н. э.